

© 2003 г. Г. А. БОГАТОВА

БИБЛИОТЕКА В ЖИЗНИ О.Н. ТРУБАЧЕВА

В ответном слове на 70-летие О.Н. Трубачева, где он говорил о некоторых итогах главных занятий и увлечении своей жизни – есть один предмет, о котором сказано было не раз и с нежностью – это Шереметьево, его Шереметьевская библиотека. Увлечение отца перешло к сыну. Библиотека, конечно, уникальна: Олег Николаевич собирал ее сам для этимологических исследований, для "Этимологического словаря славянских языков". Но она собиралась и сама – как эхо на его исследования сюда приходили книги, статьи, оттиски как продолжение его трудов, как их популяризация в учебной литературе. Значительную часть составляет и "дискуссионный" фонд. Во всяком случае, научная составляющая библиотеки – это главное.

Строго говоря, библиотека слависта Олега Николаевича Трубачева намного шире его собственных славянских интересов. Его ученик и соратник Леонид Александрович Гиндин писал: "Олег Николаевич представляет собой целый континент в науке" (Биобиблиография ученых, 1993, с. 7). Он действительно, представлял особое явление. И так же, как сцеплен между собой весь мир, так сложены и сложны его интересы лингвистические, которые хотелось бы назвать скорее энциклопедическими. Олег Николаевич каждый раз говорит о картине мира, отраженной в языке, о космолизме, о соборности и открытости русской науки всему миру, умении жить не только своими собственными проблемами. Он считал, что это стиль русской науки, ее особенность. Не раз читатель или собеседник замечал: "Ваша планка высока, но, пожалуй, все вместе, всем миром одолеем мы этот путь успешно". Близкие и друзья знали, однако, что эту планку он отлично держал сам, не полагаясь даже в соборности на большую коллективность. О.Н. Трубачев был высоко одаренной и высоко организованной индивидуальностью. О нем трудно было сказать, кто он – русист, славист, индоевропеист: смолodu был, что называется, "быстротеч", легко при этом постигавший язык за языком. Но вопрос, сколькими же языками он владеет, каждый раз приводил его в смущение: "Да я просто работаю с ними. А владеть... Это, знаете ли, и русским всю жизнь овладевать нужно. Вот на языках китайском, японском и других языках восточного мира и Африки совсем не читаю, там пока нет, правда, и сильной славистики". Но он так полно жил и творил "в Европе" (почти не выезжая за пределы дачного поселка Шереметьево и не покидая своей библиотеки), что "континентальность" в нем отлично проступала и в провинциальном поселке. В трудах, написанных в Подмоскoвье, и фундаментальность, и монументальность, и глубина соображений, гипотез, реконструкций была такой, что последнее слово в русистике, славистике, индоевропеистике, так уж получалось, часто оставалось за ним. Его слова ждали и лингвисты, и археологи, и культурологи как последнего, потому что он все успевал прочесть и был постоянно, что называется, "в материале". На Шереметьевский адрес и адрес ИРЯ РАН – Волхонка постоянно приходили новые книги, статьи, письма во множестве, а уж по тому, как Олег Николаевич умел коротко ответить, отрецензировать статью, книгу, заглянуть в суть двух-трех бегло написанных фраз – авторы понимали, как он занят сам. ИНИОН регулярно предлагал академикам услугу: присылал оглавления почти всех мировых журналов. Возможность заказать ксерокс той или иной статьи использовалась Олегом Николаевичем так полно, что в ИНИОНе считали его "чемпи-

оном по заказам" (так говорили на одной экскурсии в ИНИОН). Значительную часть ценностей этой библиотеки теперь составляют шкафы этих заказанных, всегда обработанных и аккуратно сохраненных статей. При нынешней скудости библиотечных поступлений эта часть библиотеки на 15–20 языках составляет для филолога чрезвычайно ценный и уж совсем недоступный в последние годы материал. Полностью библиотека, наверное, не оставит своего места. Сейчас мы стараемся из нее вычленить Славянскую научную библиотеку для передачи в ИРЯ РАН, чтобы легче было закончить словарь – самую тяжкую его боль и заботу. Когда Олег Николаевич в больничной палате писал статью (одновременно это доклад на съезд славистов) о 30-летнем опыте ЭССЯ, он уже знал, что это почти завещание, но вы ни в одной строке не почувствуете этого.

Научная славянская библиотека обязательно включает книги по другим европейским языкам, кроме славянских, но посвященные славистике в целом, праславянским проблемам, разным периодам изучения славянства. Книги по отдельным славянским языкам, как правило, включают этимологический или историко-этимологический словарь данного языка, исследования общего или сравнительного характера, среди них книги с автографами Р. Якобсона, О. Семереньи, В.В. Виноградова, М. Фасмера и многих других. Ряды полок с журналами, серийными изданиями по славянской археологии, книги классического мира, тюркские, угро-финские. Значительную часть составляют неславянские словари и исследования по этимологии.

Но, как ни странно, он, редко читавший лекции, накопил и некоторую часть книг, которая составила бы приличную учебную славянскую библиотеку. Подготовка архива Олега Николаевича началась с его библиотеки. Сейчас мы ее каталогизируем. И это очень непростое дело: мы – это сотрудники института, аспиранты, студенты Академии славянской культуры и некоторых других институтов. Ректор Академии славянской культуры направил их сюда на практику, понимая, какой насыщенный фон для будущих славистов составляет одно пребывание в библиотеке. Повторяю, Олег Николаевич редко преподавал, но он вдохновлялся в присутствии студентов. Приведу один характерный отрывок из его "Слова на презентации", произнесенного в Крыму в связи с выходом в свет книги "INDOARICA в Северном Причерноморье" (М., 1999), 4 окт. 2000 г. на большой конференции в Ялте (см. [ВЯ. 2000. № 3 : 155]). Презентация состоялась не только в Курпатах, но и буквально в день отъезда 14 октября, когда

«...профессор кафедры общей филологии скромного Симферопольского индустриально-педагогического института Рустем Токмеджи предложил сделать утром лекцию-презентацию и для них. Когда я взглянул на лица собравшихся в зале студентов профессора, – пишет О.Н. Трубачев, – я понял, какая трудная задача стоит передо мной на этот раз. Полон зал совершенно зеленой, юной молодежи, наверняка лишь приблизительно знакомой с языкознанием вообще, не говоря уж о сравнительном языкознании. Еще раз, еще больше акцентировать самые общие вещи из области "книга и человек"... Не забыть и о живом, сегодняшнем, крымском, способном заинтересовать их всех... И меньше углубляться в этимологическую теорию (ну, разве самую малость...). Сегодняшний Крым – это хрупкое равновесие равнопретендующих этносов – славянского большинства и остального меньшинства, прежде всего – крымско-татарского народа. Показать участие тюркского элемента (начиная с гуннского периода и Хазарии), участие, благодаря которому во многом осуществилась цепочка преемственности и памяти – от древней, забытой индоарики вплоть до наших дней. Один пример представился в этом отношении счастливым, им и кончаю – тем более, что, как мне кажется, в печатном тексте книги об "индоарике" он не так "играет", растворившись в другом материале. Речь, в сущности, об очень важном, с точки зрения аргументации, подтвердительном, повторном употреблении одного и того же корня-основы: это – *danda – 'камыш', которое не только представлено в великолепной Дандаке с ее полным воспроизводством в Индии,

но и еще в двух ярких, считаю, случаях. Один – на крайнем западе региона, многократно отраженный в античном Dandarium и позднее – турецком Tenteg и современным Тендра – все об одной и той же песчаной косе перед входом в лиман Ю. Буга и Днепра. Другой – в античной форме названия туземного племени на Нижней Кубани, то есть на востоке региона, – Δανδαριοι, дандарии. Мне как-то сразу, давно стало ясно, как надо читать, этимологизировать это имя: *dand-arya – ‘камышовые арии’ (см. выше относительно *danda – ‘камыш’ (кабинетная этимология иранистов – из иранско-скифского *danu-darya – “реку держащие” (!) как бы сама собой отпадала). Все хорошо, но новая этимология рисковала бы так и остаться красивой гипотезой, если бы не подсказка с тюркской, турецкой стороны, сведением о которой я обязан такому замечательному источнику XVIII века, как “История” немецкого историка Тунмана. Именно он упоминает на Нижней Кубани, точно там, где сидели дандарии античной поры, неких *сары-камыш-козаклер* (тур.) ‘казаки желтого камыша’. Все становится на свои места, здесь нечего больше добавить. И вся прибрежная зона Северного Причерноморья обретает в нашей реконструкции реальный облик не “кипарисного” (кипарисы завезены из Греции поздно), а камышового пояса. Так было в древнем Северном Причерноморье с его относительно скудным лесным покровом, так было и в “Таврической области” времен Кучук-Кайнарджийского договора Турции и России 70-х годов XVIII века, который, заметим, специально оговаривает право окрестных жителей этих пограничных районов – собирать камыш на топку. Символично, наконец, и другое при этом: для нашего решения потребовались как бы совместные усилия двух разных филологий – индоевропейской и тюркской».

Отлично помню минуту ошеломленного молчания и взрыв аплодисментов. Не так уж зелены юные, если судить и по двум-трем вопросам.

Студентам Академии славянской культуры не пришлось встретиться с самим Олегом Николаевичем – этим летом на практику в библиотеку пришел первый-второй курс. Они посмотрели лишь несколько учебных фильмов с его участием, но впечатление от библиотеки ученого то же, и чувство достоинства, гордости за специальность, которую они выбрали. И эти отлучки (“переиздание Нидерле вчера видели на Кировском”) и возвращение с двумя томами (“для себя и для того парня: ну, помните, с гитарой к нам приезжал, из авиационного института, чинил сканер. Ему здесь так понравились книги”). И не дозовешься от полки с болгарскими или сербскими книгами (ну, ладно, это их будущий хлеб), но вот одинокая фигурка долго перебирает скандинавские издания, эффектные венгерские тома “Книга и человек”. В библиотеке у Олега Николаевича всегда на видном месте была открытка скульптора Мештровича – “Человек-пишущий”. Студент, аспирант в библиотеке – “славист-растущий”, “развивающийся”, “выбирающий”. Одна из записок рязанского студента А. Дудина в газету первоначально называлась – “Молодое поколение выбирает”, в газете же она называется “Вестник” (см. “Литературная газета” 4–10 сент. 2002 г.). Приведем только начало. “...Олег Николаевич Трубачев оставил огромное наследие, которое еще предстоит осмыслить и оценить в полной мере. Разговор о молодом поколении и трудах О.Н. Трубачева зашел не случайно – великие всегда видят дальше других и мысли их устремлены в будущее”.